

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

шей литературе — со всеми противоречиями личности, творчества и судьбы, сильными и слабыми сторонами.

* * *

Я пишу только о своем восприятии гайдаровских книг и личности, и, возможно, кому-то оно покажется неверным. Одно я знаю твердо: не для того Гайдар высочайшим напряжением своих сил проламывал стереотипы, чтобы сегодня оказаться под непроницаемым музейным стеклом. Да, он действительно был писателем-орденоносцем, его книгами действительно зачитывались советские ребята.

...Но «Военной тайне» многие критики отозвали почти во

повести отец Сергея осужден справедливо — подавшись «мещанскому влиянию» Сережиной мачехи, он пошел на служебные нарушения... Безусловно, сказать открыто о незаконности репрессий Гайдара бы не удалось. Трудно сейчас судить, что думал сам писатель о творившихся вокруг повальных арестах — тогда вслух о таких вещах не говорилось. Возможно, что, как и многие люди его поколения, не верил, что под стягом святых красных знамен творится несправедливость.

Но умом своим, сердцем, интуицией и талантом сумел выразить драму эпохи через драму детской души: «...вероятно, будет плакать и оправдываться, что все вышло как-то нечаянно. Но вы ему

ГОЛОС ТРУБЫ

всех литературных достоинств.

...Но публикация «Тимура и его команды» в «Пионерской правде» была приостановлена и началась вновь только после прочтения вещи Емельяном Ярославским.

О «Тимуре» рецензенты писали: «Писатель уводит внимание ребят в сторону от учебного процесса». О «Военной тайне»: «Средняя книжка о советских детях, тепло написанная, с большими литературными недостатками».

Были и другие факты, о которых сегодня мы почему-то напрочь «забыли». Первое же обсуждение «Тимура» в Московском городском Дворце пионеров чуть не кончилось провалом: ребятам больше всего понравился... Кванин. Маршак сказку о Мальчине называл «отвратительным Мальчишом».

Однако самый тяжелый удар постиг «Судьбу барабанщика» — верстку готовой повести сняли с производства и в издательстве, и в журнале «Пионер». На какой-то момент книги Гайдара исчезли из библиотек...

Время было суровое, и нам еще предстоит узнать, почему эта история закончилась все-таки хорошо. Но поговорить об этой книге хочу подробнее — здесь уже речь вряд ли ограничивалась тем, что Гайдар «уводит в сторону от учебного процесса», или что он пишет «надклассовый детектив». Обвинения наверняка были посерьезнее...

* * *

«Сейчас я заканчиваю повесть «Судьба барабанщика». Эта книга не о войне (вот какая характерная для Гайдара оговорка), но о делах суровых и опасных...» — писал он.

Детективная линия выстроена Гайдаром замечательно — повесть таинственна и полна загадок, которые открываются далеко не сразу. Однако в первую очередь это повесть с глубочайшим моральным смыслом — и моральность ее вовсе не в том, что «маленькая ошибка влечет за собой большую», как до сих пор кажется иным ее толкователям, а в том, что стыд, вина, душевная боль, одиночество и внутренний разлад рождают человеческую личность, которая не может вырасти без ломов и потрясений. Серена Щербачев ворует отцовский пистолет, продает чужие вещи, наконец, невольно помогает преступникам — и мы не морщимся досадливо, мы понимаем, что в его духовной ситуации ошибки эти неизбежны. Мы... прощаем его.

Но самое важное — благодаря своему умению расставить нужные слова на нужных местах — Гайдар сумел показать, что главную ошибку совершает вовсе не Сережа. Ведь фундамент его драмы — не цепь случайных совпадений, а переворачивший его существование арест отца.

Вот что действительно отражало правду жизни!

«И он задумывает повесть о внезапно осиротевших детях, на которых падает позор ни в чем не повинных отцов», — пишет в биографии Гайдара Борис Камов.

Так ли это было? Ведь в

не верьте, потому что не только он сам такой, но его отец осужден тоже» — вот такой ужасный стыд охватывает Сережу, когда он читает в газете объявление о своем розыске, представляет, что о нем говорят.

Стыдно и нам. Но не за Сережу, конечно...

* * *

Гайдар был бесстрашен и на войне, и в книгах. Хотя и в книгах, и на войне давалось это бесстрашие трудно. Еще в детстве, разбив окно или совершив другое «геройство», он признавался сразу. Чтобы не расстроит мать.

В своих книгах он доказал то же самое — лучший способ воспитать смелых людей: научить говорить правду.

Думаю, что в этом и был секрет его фантастической власти над детьми — уже не в книгах, а в жизни: он ничего от них не скрывал.

О том, как нелегко дается нам этот главный гайдаровский урок, говорит судьба тимуровского движения. Движения, которое давно уже «двигают» учителя, воспитатели, как, впрочем, и многие другие пионерские дела. Я не раз обсуждал вопрос о том, жизнелюбив ли сегодня это движение, имеет ли оно корни в нашей реальности. И обычно вместе с собеседниками приходил к выводу: нет, не жизнелюбив. Причина в том, что она сегодняшняя жизнь, уводит ребенка в сторону от конкретного человека и конкретной полноты дров — и понятиям абстрактным: к вообще заботе о ветеранах, к вообще борьбе за экономию того и другого, к ВО-ОЩЕ...

А поразмышлял немного и понял, что просто гайдаровская идея переросла рамки пионерского отряда и, несмотря на все волны акселерации, стала достоянием людей постарше — тех, кто сегодня реставрирует памятники, безвозмездно ремонтирует детские дома, ухаживает за больными стариками.

Одним детям уже не справиться, но включать их в это взрослое тимуровство просто необходимо. А называть его можно как угодно. Одно из новых названий — Детский фонд...

* * *

«Хорошим весенним днем он шел по московскому бульвару опять при деньгах и в отличном настроении. Увидел продавца воздушных шаров, купил сначала один шарик, а потом, подумав, всю связку... Но если по бульвару идет человек с пестрой кучей воздушных шариков, за кого его примут прохожие?

- Почему шарик?
- Не продаюся.
- Мне голубой, пожалуйста!
- Не продаются...
- Шары почему, гражданин?

Долго так, естественно, продолжаться не могло. Симпатичным покупателем Аркадий Гайдар начал раздавать шары бесплатно. Несимпатичным — отказывался...

Так пишет в своих воспоминаниях об отце Тимур Гайдар.

Б. МИНАЕВ.

Гастроли

ПИСЬМО В «КОМСОМОЛЬСКУЮ ПРАВДУ»

Так кто же автор?

К всесоюзному эксперименту по выбору директора завода «РАФ», который в начале нынешнего года был проведен газетой «Комсомольская правда» совместно с ЦК КП Латвии и Минавтопромом, проявляется очень большой интерес со стороны корреспондентов газет, журналов как у нас в стране, так и за рубежом.

Написано уже много. В условиях демократизации нашего общества и широкой гласности материалы по этой теме зачастую ставят острые проблемы и не оставляют никого равнодушными. Об этом я пишу по сотням писем, приходивших со всех концов страны, и за эту поддержку большое спасибо журналистам и читателям. Но одновременно хотелось бы, чтобы в публикациях не искажалась правда, чтобы, пользуясь правом литературного вымысла, мне не приписывалось авторство некоторых заключений, мыслей, принадлежащих кому-то другому. Хотелось бы достоверности, четкости в публикациях.

Однако в одиннадцатом номере «Юности» в статье «Хочу быть директором» эти искажения чрезмерно велики, и особенно в части моей оценки комсомола.

Комсомол в моей судьбе сыграл многое. Я всегда верил в его силу и чувствовал ту огромную роль, которая ему отведена в нашем социалистическом обществе. Одни только Магнитка, Комсомольск, Великая Отечественная, БАМ чего стоят! Да, собственно, и конкурс на «РАФ» ведь проходил под эгидой центрального комсомольского органа, о чем, кстати, тоже «забыл» упомянуть журнал «Юность». Поэтом хотелось бы через газету сделать заявление, что нелепые, доходящие до абсурда оценки ВЛКСМ, как полностью несостоятельной организации, «не несущей никакой функциональной нагрузки», высказанные от моего имени в «Юности», не мои, а недобросовестных сотрудников журнала.

С уважением

Виктор БОССЕРТ, директор завода «РАФ».

«Мы считаем, что наше руководство использует неправильные методы. Вместо улучшения организации труда идет по пути удлинения рабочих смен, постоянно прибегает к таким крайним мерам, как сверхурочные. Если такое теоретически лучше (как нам говорят) предприятию отрасли, то что же происходит на других? Мы верим, что можем делать телевизоры не хуже японских, готовы на все ради «Электрона». Но администрация Ряснянского производственного комплекса (РПК) явно злоупотребляет нашей преданностью, устраивает ежесекундные «подвижки труда» во имя плана. Гонка вынуждает нас делать полубрак. Вдобавок спекулируют высокими словами...»

К. ПАНОВ и еще 34 подписи.

— ВЫ — САБОТАЖНИКИ и демагоги. Сами провоцируете штурмовщину: вам выгодно бездельничать в первых числах месяца.

Начальник цеха вытер заблестевший от пота лоб. С трудом сдержал приступ гнева.

— Побойтесь бога, Андрей Степанович! Где же нам взять работу, если ее не дает участок армировки? — гвалт в кабинете поднялся несусветный. Но стоило заговорить Косте Панову, как вся бригада смолкла в напряженном ожидании. Он — признанный лидер:

— Семей не видим, свободного времени нет, зачем нам штурм? Будь все, как положено, мы свои деньги и так заработали бы...

— Вы что, не знаете? С поставками трудно. Только бы бузить. И ведь кто подписал письмо-то?! Прогуляшки, бездельники, рвачи, а тоя просто воры. Не все вы такие, конечно, но есть среди вас... элемент. — Андрей Степанович Крук рубанул ладонью по столу.

— Мы сто раз говорили и

САМОВО

вам, и другим, что в цехе надо многое изменить. А какой прок? — горячился Роман Сидорук, сверкая глазами из-под чуба. — Вы нас не слышите!

— ...для вас ни мастер, ни начальник смены не указ... — не слушал Крук.

— А вы...

Атмосфера накалялась, становилось душно, хотелось выйти. Но дверь кабинета, где шел разговор, была заперта на ключ от нечаянных свидетелей. Это здесь любят — двери на ключ.

— КТО-ТО ЗАПЕР ВСЕ ДВЕРИ! — пронеслось по цеху однажды, когда теплая львовская ночь залила темной окрестности. Желаящие сделать глоток свежего воздуха тчетно дергали дверные ручки — начека А. С. Крук, опасаясь, что рабочие разбегутся, отдал приказ «не пугаться», Основания для опасе-

ний были: который день подряд цех гнал двенадцатичасовые смены — так называемые «сутки пополам».

...В сборочном цехе владычествовала лень. Кто-то бесцельно бродит из угла в угол, кто-то смотрит фильм на экране полусобранного телевизора. Благо весь месяц неплохая телепрограмма, есть чем развлечься на работе. Почему стоим?

— Да опять армировочный участок не дает «ящики». За три часа я только три штуки настроил. — Роман Сидорук не снеча продирает расческой непокорную шевелюру перед зеркалом. — Сейчас бездельничаем, потом будем гнать, навёрстывать. Начнут орать со всех сторон «давай штуки!». Ни профком, ни комсомол не вмешиваются, вроде все в порядке.

— А как же КЗОТ?
— Ха, КЗОТ! «Сутки пополам», видишь ли, полюбовное соглашение между нами и администрацией. Оплата дополнительная-то идет из премиального фонда. В белых тапочках видал я эту лбовь! — Роман начинает не просто горячиться, а прямо закипать. — Однажды я заартачился, не вышел на «сутки». Получил на руки в тот месяц 58 рублей. Ясно, что больше «сутки» не нашлось. «Сутки» идут, деньги идут, и все кру-

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА
29.11.87
1987 ГОД 8: 3